

И. В. Малыгина¹

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

События последних лет привели мир, и без того находящийся в постоянном движении, к новому витку миграционных процессов, по своим масштабам несопоставимых с аналогичными процессами в новейшей истории человечества. При этом большая или меньшая степень пластичности государственных рубежей в значительной мере компенсируется нарастающей плотностью культурных границ, обнаружением ментальных различий и ростом националистических настроений. Данное противоречие заметно не только в странах Западной Европы как реакция на массовую миграцию, стимулирующую столкновение цивилизаций, культур и идентичностей. Подобные тенденции характерны и для государств, демонстративно манифестирующих свои транснациональные внешнеполитические приоритеты и векторы ожиданий. Например, Украина, с одной стороны, ориентированная на европоцентристский тренд социокультурного, политического и экономического развития, а с другой — демонстрирующая взрыв националистических настроений как в среде определенных слоев населения, так и в стратегиях реализации новой государственной идеологии, обоснования «альтернативной» украинской истории частью национальных элит.

В материалах XV Лихачевских чтений нами было предложено определение национализма как идентификационной стратегии, сформировавшейся на определенном этапе историко-культурной динамики. При этом в каждой конкретно-исторической ситуации национализм актуализирует специфические основания социальной консолидации, мотивацию, механизмы формирования и формы манифестации этнокультурной идентичности. Как правило, это зависит от того, какой грани национальной целостности угрожает опасность — реальной или воображаемая. Отсюда многообразие форм национализма (лингвистический, религиозный, основанный на «крови и почве» и пр.).

Последние два столетия человек жил в мире, в котором национальные государства (нации) выполняли функцию основных «единиц выживания», а важным основанием социальной консолидации и идентичности была национальная культура. Этот достаточно новый по меркам истории человечества принцип организации мирового пространства, метафорой которого стала известная сентенция Наполеона «одна нация — одно государство», можно считать исходным момен-

том дискурса национализма. Национализм как «идея нации» привел к совмещению политических и культурных границ: одна нация — один народ — одна культура — одно государство. «Национальные государства и культуры пришли на смену трансграничным полиэтническим династическим государствам и существенно ограничили культурное разнообразие мира. Нации «либо вырастали из прежде существовавших государств и (или) высоких культур, либо извлекали свою культуру из существовавших народных традиций и уже на основе полученной таким образом новой высокой традиции строили политическую единицу»².

Формирование национальных государств современного типа сопровождалось осмыслением культурно-исторических целей и интересов нации как культурной и политической общности, выработкой ее прогнозистических измерений, в определенном смысле уравнивая народы в проекте общего будущего, в отличие от такого различного прошлого, отягощенного культурными травмами. Для нации на начальной стадии ее развития культурная память и мифологизация прошлого становятся не столько интегрирующим, сколько дифференцирующим основанием, способным провоцировать межэтнические внутринациональные конфликты. Поэтому «дар забвения»³ как отказ народов, образующих нацию, от претензий на исключительность своей культуры, истории и судьбы был провозглашен главным условием национального развития, формирования национальной «идеи» и идентичности.

Глобализация изменила контуры мироустройства и со всей отчетливостью обозначила проблему субъектов нового миропорядка. Нации и национальные государства утрачивают статус суверенных субъектов мировых политических, экономических, а соответственно и культурных процессов, делегируя эти функции военно-политическим блокам, экономическим союзам, транснациональным сетевым корпорациям и т. д. Компенсация этой утраты достигается формированием новых модусов и оснований социальной консолидации, «припоминанием» или мифотворчеством, связанным с конструированием национальной культуры, истории и идентичности. И чем меньшего доверия заслуживает это мифотворчество, тем в более агрессивных формах оно проявляется.

При понимании, что почти любой тренд в ситуации геополитической пограничности и информационной плотности глобального мирового пространства претендует на универсальность, невозможно исключить опасность трансферта деструктивных форм национализма в российское социокультурное пространство.

Опыт формирования и реализации национальной культуры под названием Россия универсален и уникален одновременно. Если говорить о его специфике, невоз-

¹ Заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор. Автор более 100 публикаций, в т. ч.: «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности», «Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика», «Uniwersalne cechy i społeczno-kulturowe właściwości rosyjskiego nacjonalizmu», «Россия на рубежах истории и границах цивилизаций», «Российская идентичность в контексте культурных “разломов” глобального и локального», «Идентификационный ресурс культурной памяти: от “помнящей культуры” к “культуре забвения”». Член Президиума Российского культурологического общества.

² Гелнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класа // Нации и национализм. М., 2002. С. 192.

³ Там же.

можно абстрагироваться от ставшей «общим местом» идеи полярности отечественной культуры и ее маятниковом характере. В эту концепцию в полной мере вписывается известное суждение о России как самой нешовинистической стране в мире, стране национального бескорыстия и одновременно стране «невиданных эксцессов национализма» (Н. А. Бердяев).

Для каждого из слагаемых этой антитезы есть достаточная доказательная база. Тезис о России как стране, лишенной националистических предрассудков, со слабовыраженными национальной гордостью и национальным достоинством обретает дополнительную смысловую глубину, если иметь в виду целый ряд особенностей историко-культурного развития страны.

Культура России, как известно, формировалась на границах цивилизационных и культурных миров Запада и Востока под сильнейшим внешним влиянием: славянские культурные традиции веками переплетались с традициями византийской, западноевропейской, мусульманской, языческой кочевой культур. Как результат: российский социум во все времена отличала высочайшая степень полиэтничности, а вся отечественная история отмечена тенденцией к наращиванию этнического, культурного и конфессионального многообразия.

Еще одна специфическая черта — длительное отсутствие общенационального языка, его разобщенность на социально-функциональные «протоязыки». Общенациональный литературный русский язык сформировался преимущественно в течение первой половины XIX века.

Огромная пространственная протяженность России при слаборазвитой системе экономических и информационных коммуникаций объясняет еще одну особенность — отчужденность основной массы населения от наиболее важных, судьбоносных для страны исторических событий и инертность по отношению к ним. Концентрация социальной жизни, а соответственно и формирование национальной общественной мысли осуществлялись в нескольких крупных городах (Киев, Петербург, Москва).

Перечисленными обстоятельствами (да и рядом иных) во многом обусловлена социальная разобщенность как по горизонтали (между территориальными локализациями), так и по вертикали (между сословными субкультурами российского общества). Этот разрыв был настолько значительным, что образование нации-государства не получило в России достаточного развития и было замещено установлением имперской по своей сути политической структуры. Формирование общенациональной культуры и соответствующей формы идентичности произошло достаточно поздно: вплоть до конца имперского периода она не имела сколько-нибудь большого значения и сохраняла маргинальное положение по отношению к иным основаниям и формам социальной консолидации: родовой, сословной и, конечно, конфессиональной. При этом население России во все времена отличалось выраженной индифферентностью по отношению к инородцам, отсутствием интереса к их иному происхождению и стремлением никак не выделяться из своей среды.

Но в таком случае каковы истоки и особенности русского национализма, который, появившись на мировой арене в XIX веке, получил мощное развитие в Российской империи как политика культурной унификации или *русификации* полиэтничного населения страны?

Существенным отличием русского национализма от европейских аналогов стала определяющая роль государства: «...великий национальный всполох пошел в России не снизу вверх (как в Европе), а сверху вниз»¹. Общегосударственный масштаб политика русификации приняла в конце XIX века. Повсеместное введение русского языка в качестве государственного (и в первую очередь в сферу образования) преследовало две главные задачи: постепенную культурно-языковую унификацию населения империи и подготовку национальных кадров, без чего не может быть самодостаточной экономики, формирования общенационального рынка, укрепления армии, системы образования и т. д. Насколько важной представлялась эта задача правительству, свидетельствует тот факт, что в 1893 году был закрыт один из лучших университетов империи — Дерптский — и именно по причине использования немецкого языка в образовательном процессе².

К началу XX века национализм в России обрел организационно-политические формы. В этот период оформился, в частности, «Союз русского народа» (так называемое движение черносотенцев), отличавшийся крайней степенью нетерпимости по отношению к иным народам. Несколько более умеренной и при этом близкой по идейному содержанию политической организацией этого исторического периода явился Всероссийский национальный союз (ВНС). Провозгласив в качестве программного лозунг «Россия для русских...», его идеологи последовательно проводили политику русификации инородцев, которая предусматривала две основные формы реализации: политическую (частичную) и культурную (полную).

Националистические идеи и движения в России начала XX века не отличались многообразием. Разница заключалась лишь в интерпретации оснований национальной идентичности: так, одни выражали откровенную приверженность расово-биологическому объяснительному принципу (в случае черносотенства), другие же, подобно ВНС, пытались скрыть ее за размышлениями о духовно-культурном происхождении нации, в духе высказывания В. А. Бобринского: «...без православия нет русского народа в культурном и национальном значении этого слова»³. Добавим к этому, что «Союз русского народа» (деятельность которого, по некоторым данным, поддержал император Николай II) участвовал в деятельности Первой Государственной думы, а Всероссийский национальный союз служил серьезной парламентской опорой премьер-министра

¹ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 80.

² См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. С. 109.

³ Бобринский В. А. Пробный камень славянского братства // Лад. СПб., 1911. С. 138.

⁴ Markov N. Der Kampf der dunken Mächte. Erfurt, 1935. S. 4.

П. А. Столыпина. Таким образом, националистическую активность этих организаций можно рассматривать как попытки артикуляции национального проекта, то есть проявления государственного национализма.

Образование Советского Союза, казалось бы, принесло концептуально противоположную парадигму государственного развития, основанную на идеях интернационализма. Однако в реальности основой национальной политики Советского государства была все та же культурная унификация, в результате которой народы СССР (и прежде всего русский) постепенно трансформировались в «новую историческую общность — советский народ», консолидируемую общей идеологией и языком межнационального общения. Таким образом, государственная форма национализма в явной или скрытой форме сохраняла свою актуальность до середины 80-х годов XX столетия.

В перестроечной России на фоне либерализации общественной мысли, дискурса демократических западных ценностей как ориентира национального развития, как ни парадоксально, проявился широкий спектр идеологии национализма: от примитивной демонстрации идей расизма до более тонких форм, связанных с интерпретацией российской истории и культуры.

Тем не менее идеология национализма в ее негативных формах всегда занимала в российском обществе маргинальное положение. С одной стороны, радикальные национал-патриотические силы традиционно находились в оппозиции по отношению к официальной политике государства. С другой стороны, идеология нацистских, фашистских и иных ультранационалистических организаций и объединений (неформальных или обладающих организационной структурой) никогда не находила массовой поддержки у россиян. Вопреки типовым историческим сценариям официальный или государственный национализм в России не породил массового русского национализма ни в качестве своего продолжения, ни в качестве антипода. Возможно, потому, что русский народ, являясь государствообразующим, всегда составлял основу государства, его этническое большинство. Под защитой «своего» государства, в отсутствие угрозы собственной целостности и культурной самобытности проявления национализма всегда были локализованы в масштабах и во времени.

Но что если такая угроза появится? Культура по-прежнему остается самым непредсказуемым игроком в сценарии глобального проекта...